

ПОВТОР В ПОЭТИКЕ ПОЭМЫ Э. ПАУНДА «THE CANTOS»

Людмила Викторовна Братухина

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

Статья посвящена рассмотрению повтора как одной из особенностей поэтики произведения Э. Паунда «The Cantos», заимствованной автором у одного из великих предшественников – Гомера. Наибольшее внимание уделяется анализу Canto XVII и XXXIX, объединенных упоминаемым в текстах персонажем – неким «братом Кирки»: прослеживаются интертекстуальные связи («Одиссея», «Аргонавтика»), а также обосновывается возможная интерпретация паундовского мифотворчества. Делается вывод о том, что, наряду с традиционной семантикой «вечной циклической повторяемости» [Мелетинский 2000: 8], спецификой использования повтора в данных частях поэмы является задача придания достоверности истории персонажа.

Ключевые слова: Эзра Паунд, «The Cantos», Canto XVII, Canto XXXIX, Гомер, «Одиссея», повтор, Кирка, Ээт.

Поэма Э. Паунда «The Cantos» в самом своем названии¹ содержит отсылку к известнейшим эпическим произведениям, на которые, безусловно, ориентировался автор: «Божественная Комедия», «Энеида», «Одиссея». Последнее², можно сказать, стоит у истоков традиции, на которую опирается Паунд, что подчеркивается прямым обращением к поэме о странствиях «многострадального» царя Итаки в Canto, открывающем паундовское произведение³. А. В. Бронников, комментируя Canto I, отмечает: «Первый стих паундовского эпоса пересказывает сюжет XI песни гомеровской “Одиссеи” <...> Этот текст неслучайно открывает “Кантос”. Отсюда, как из зерна вырастают многие линии этого произведения» [Бронников 2018: 703]. Помимо четко просматриваемого интертекста – мотива путешествия за знанием в Аид⁴, исследователь находит, что Э. Паунд выстраивает художественный мир произведения по принципу ритуального действия, описанного в произведении Гомера. Так, обращение к мертвым и передача от них знания

живым метафорически представляется в поэтике Паунда, основанной «на заимствовании и переработке старых сюжетов и образов – вливании “свежей крови” в полузабытые истории. Ритуал, как возвращение к истокам культурных и религиозных практик, – основа паундовского эпоса» [Там же].

Можно добавить, что Паунд заимствует у Гомера также и восходящий к фольклорному наследию «метод повторений», заключающийся в неоднократном воспроизведении отдельных выражений и целых групп стихов⁵ [Лосев 2006: 189]. Примерами повторов (выражений или целых фрагментов), в которых содержится изложение хода событий и рассказ о них одного из персонажей, являются повествование о случившемся со спутниками Одиссея на острове Кирки (Od. X 211, 226–232) и рассказ Еврилоха об этом (Od. X 253, 254–258), а также напутствование Киркой Одиссея (как следует общаться с тенью Тиресия (Od. X 517–537)) и описание того, как это происходило (Od. XI 24–50).

В поэме Паунда почти по-гомеровски повторяются некоторые тенденции, различаясь «в зависимости от контекста по смысловой нагрузке» [Лосев 2006: 189]. Так, в *Canto II* встречается такой фрагмент: «“Eleanor, ἑλέναυς and ἑλέπτολις!”// And poor old Homer blind, blind, as a bat, // Ear, ear for the sea-surge, murmur of old men's voices...» [Pound 1970: 6]. Он же почти дословно повторен в *Canto VII*: «Eleanor... Ἐλανδροῦς and Ἐλέπτολις, // and poor old Homer blind, blind as a bat, // Ear, ear for the sea-surge –; rattle of old men's voices» [Pound 1970: 24]. В первом случае имя Елены в сопоставлении с именем Элеоноры Аквитанской звучит в ряду иных мифологических сюжетов (история Тиро, превращение Дионисом тирренских пиратов в дельфинов, рассказ об этом Акета кадмиду Пенфею), во втором – образ Елены-Элеоноры дается в контексте иных сопоставлений, связанных более с любовной линией (Овидий и его «Искусство любви», Дидона и Сихей).

Гораздо чаще в различных *Canto* встречаются не дословные повторы, а многократные упоминания различных мифологических и исторических персонажей и сюжетов, связанных с ними. Не претендуя на сколь-нибудь исчерпывающий перечень, а лишь стремясь обозначить общие тенденции, приведем следующие примеры. О злоключениях Одиссея говорится в целом ряде *Canto*: I, XVII, XX, XXIX, XLVII. В *Canto II* излагается сюжет преображения Диониса из простого юноши в могущественного бога и превращения тирренских пиратов в дельфинов (ср. Ovid. Met. III 577–700), а в *Canto XVII* и LXXIX называются отдельные образы, взятые из этого сюжета – Дионис-Зagreй, кормящий пантер («Zagreus, feeding his panthers» [Pound 1970: 77]), и Рысь в контексте восклицаний, прославляющих Диониса-Иакха

«Ἰακχος, Ιο!» [Pound 1970: 509]. Периодически в поэме возникает сюжет похищения Персефоны-Коры и возвращения ее к матери Деметре: Canto XVII, XXI, LXXIX, CVI. Из упоминающихся в разных Canto исторических персонажей, можно назвать сравниваемую с греческой Еленой Элеонору Аквитанскую (II, VI, VII), сопоставимого с Парисом Пейре де Маэнсака (V, XXIII), а также Сиджизмонто Малатесту (VIII, IX, X XI, XVI, XVII, LXXVI), представляющего собой образ правителя эпохи Возрождения. В подобных примерах можно усмотреть отмечаемые Е. М. Мелетинским в литературном мифологизме «идею вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”» и «своеобразной замещаемости литературных и мифологических героев» [Мелетинский 2000: 8].

Встречается в «The Cantos» повтор другого рода, выходящий «за рамки эпического стандарта» [Лосев 2006: 190]. В Canto XVII среди различных мифологических персонажей (Диониса-Загрея, Нереиды, Афины и Гермеса, Коры) упоминается «брат Кирки» («For this hour, brother of Circe» [Pound 1970: 79]). Вновь появляется брат хозяйки острова Ээи в Canto XXXIX: «wolf to curry favour for food // – born to Helios and Perseis // That had Pasiphae for a twin» [Pound 1970: 193]. Здесь называется некий волк, рожденный Гелиосом и Персой, родителями Кирки, он и есть брат волшебницы.

Canto XVII входит в состав первых тридцати песен поэмы, которые были опубликованы в 1933 г. под общим названием «A Draft of Thirty Cantos», а до этого в 1925 и 1928 гг. выпускались под названиями «A Draft of XVI Cantos» и «A Draft of the Cantos 17-27», соответственно. По мнению А. В. Бронникова, в названии этой части поэмы «сохранился намек на текучесть и незаконченность этого раздела» [Бронников 2018: 702]. Продолжением стали «Eleven New Cantos (XXXI-XLI», в составе которых Canto XXXIX является наиболее мифологическим по содержанию. Таким образом, Canto, в которых так или иначе упоминается «брат Кирки», относятся к начальным разделам поэмы⁶, создававшимся в различное время. Это свидетельствует о том, что персонаж появляется не случайно, что у автора есть некая концепция этого образа.

Можно предположить, что этот персонаж не кто иной, как Ээт⁷, дважды упоминаемый в «Одиссее»: как брат Кирки (Od. X 135–139) и как царь страны (Od. XII 70), куда совершили свое героическое путешествие аргонавты. Отметим также, что Гомер подробно излагает «семейное положение» Кирки, упоминая брата и родителей: «Αἰαίην δ' ἔς νῆσον ἀφικόμεθ'· ἔνθα δ' ἔναϊε // Κίρκη ἐυπλόκαμος, δεῖνῃ

θεὸς ἀδῆεσσα, // αὐτοκασιγνήτη ὀλοόφρονος Αἰήταιο·// ἄμφω δ' ἐκεγεγάτην φαεσιμβρότου Ἥελίοιο // μητρός τ' ἐκ Πέρσης, τὴν Ὠκεανὸς τέκε παῖδα («Прибыли вскоре на остров Ээю. Жила там Цирцея // В косах прекрасных — богиня ужасная с речью людскою. // Полный мыслей коварных Ээт приходился ей братом. // От Гелиоса они родились, святащего смертным, // Матерью ж Перса была, Океаном рожденная нимфа» здесь и далее пер. В. В. Вересаева под ред. академика И. И. Толстого)» (Od. X 137–139). Таким образом, паундовские аллюзии определенно указывают на поэму Гомера: Ээт, прямо не называемый в *Santo* XVII и XXXIX, тем не менее может быть узнан в парафразах «брат Кирки» и «рожденный Гелиосом и Персой». К гомеровской поэме отсылает и еще несколько деталей: в тексте *Santo* XXXIX волк – сын Гелиоса – упоминается после прямой цитаты из Гомера, приведенной на языке оригинала «λύκοι ὀρέστεροι ἤδε λέοντες» (ср. Od. X 212: λύκοι ἦσαν ὀρέστεροι ἤδ' ἐλέοντες), а в описании действий этого необычного волка угадывается парафраз гомеровского сравнения:

«wolf to curry favour for food» (ср. Od. X 215–220: «οὐρῆσιν μακρῆσι περισσαίνοντες ἀνέσταν. // ὡς δ' ὅτ' ἄν ἄμφι ἄνακτα κύνας δαίτηθεν ἰόντα / / σαίνω', αἰεὶ γάρ τε φέρει μελίγματα θυμοῦ, // ὡς τοὺς ἄμφι λύκοι κρατερώνυχες ἠδὲ λέοντες σαῖνον...») «И подошли к ним, приветно виляя большими хвостами, // Как пред хозяином, зная, что лакомый кус попадет им, // Машут хвостами собаки, когда от обеда идет он, // Так крепкокоготые волки и львы виляли хвостами// Около них...»).

Опираясь на текст Гомера, вводя героя, символизирующего предшествующую мифологическую традицию (обстоятельства путешествия аргонавтов как опыт, на который опираются герои «Одиссеи»), Паунд наделяет этого персонажа несвойственной ему историей: почему-то Ээт оказывается среди тех, кого Кирка превратила в животных. Подобного сюжета нет среди вариантов мифа. О колхидском царе Ээте после похищения золотого руна, известно, что он погиб в сражении с аргонавтами (Diod. Sic. Bibliotheca Historica IV 48, 5); согласно другому источнику, он сначала был лишен власти, а затем возвращен на царский трон (Ps. Apoll. Mith. Bibliotheca I 9, 28). У Паунда этот персонаж появляется сначала в *Santo* XVII, текст которого может быть интерпретирован, как изображение «Утопии земного рая», сменяющегося «Чистилищем» [Бронников 2018: 712] либо как метафорическое путешествие лирического героя по островам, встречающимся в «Одиссее» – Огигия, Ээя, Схерия и Итака, – завершающееся возвращением домой «на мгновение», под чем, согласно неоплатонической терминологии, понимается достижение Ума-Нуса посредством высшего Я (высшей

составляющей души) [Liebregts 2004: 177]. Согласно этой интерпретации, выражение «брат Кирки» не относится к Эту, а понимается как метафорическое обращение к Одиссею, чье путешествие в мир мертвых и созерцаниерая, как достижение Нуса, делает его братом, т. е. в какой-то степени равным Кирке [Liebregts 2004: 177].

На наш взгляд, повторное упоминание сына Гелиоса и Персы в *Santo XXXIX*, с учетом интертекста из поэмы Гомера, позволяет достаточно определенно идентифицировать этого персонажа. Значение же образа следует воспринимать, учитывая контекст обеих песен, в которых он появляется.

Автором настоящей статьи ранее было высказано мнение⁸, согласно которому, содержание *Santo XVII* представляет собой своеобразные «литературные мистерии», т. е. Паунд создает собственный аналог элевсинских мистерий в форме литературного произведения: описывает ритуал, связанный с семантикой умирания и воскресения, и духовный опыт участвующего в нем лирического героя. Учитывая свободу, с которой Паунд переходит от одной локации к другой, с которой его лирический герой меняет обличия, представляя человеком различных эпох, можно сказать, что одной из мифологических масок «Я» повествователя становится именно «брат Кирки»: «Koré through the bright meadow, // with green-gray dust in the grass: // "For this hour, brother of Circe." // Arm laid over my shoulder, // Saw the sun for three days, the sun fulvid, // As a lion lift over sand-plain» [Pound 1970: 79].

В *Santo XXXIX* потомок Гелиоса и Персы появляется в своеобразном воспроизведении эпизода гомеровской поэмы: пребывание Одиссея на острове Кирки, изображаемое с точки зрения одного из его спутников, превращенных в животное⁹. Новым в тексте Паунда становится не только точное указание, кем была одна из жертв волшебницы, но и вскользь упомянутая способность лирического героя, понимать язык зверей (отсюда, скорее всего, и знакомство с братом Кирки): «When I lay in the ingle of Circe // I heard a song of that kind. // Fat panther lay by me // Girls talked there of fucking, beasts talked there of eating...» [Pond 1970: 193]. Возможно, эта способность была именно в образе животного. Можно предположить, что этот неназванный спутник Одиссея, от чьего лица ведется повествование в *Santo XXXIX*, впоследствии, как это и описывается у Гомера, вернется к человеческому облику. Кстати, в X песне «Одиссеи» после такого обратного преобразования персонажи предстают в лучшем виде, чем были: «ἐκ δ' ἔλασεν σιάλοισιν ἐοικότας ἐννέωροισιν. // οἱ μὲν ἔπειτ' ἔστησαν ἐναντίοι, ἡ δὲ δι' αὐτῶν (Все они сделались снова мужами –

моложе, чем прежде, // Стали значительно выше и ростом и видом прекрасней)» (Od. X 395-396).

А вот участь иных животных – тех самых волков и львов – которых команда Одиссея повстречала перед домом Кирки, не поясняется у Гомера. Паунд, включая одного из таких превращенных в мистерии *Santo XVII*, словно бы восполняет этот пробел: пребывание на острове Кирки в образе животного завершается в некий момент, становясь своеобразным этапом в посвящении в некие таинства. Спутники Одиссея проходят через это ранее и в более простой форме, а «час» брата Кирки наступает позднее (в *Santo XVII* местонахождение самого Одиссея, скорее всего, определяется как остров Калипсо) и для него это уже полноценное погружение в мистериальный ритуал. Смысл Элевсинских мистерий состоял в обретении некоего мистического знания и опыта, что поможет после смерти: «Участники Элевсинских мистерий получали надежду на участь за гробом, лучшую, чем та, которая ждет остальных людей» [Зайцев 2004: 143]. Посвящение в литературные мистерии Паунда завершается для лирического героя апофеозом, сравнимым с достижением рая-Элизиума: «Arm laid over my shoulder, // Saw the sun for three days, the sun fulvid, // As a lion lift over sand-plain; // and that day, // And for three days, and none after, // Splendour, as the splendour of Hermes...» Гермес предстает как божество амбивалентное: уносящее души в царство Аида и возвращающее оттуда (Od. XXIV 1-4 и *Hom. Hymn. V.* 378-379). Любопытно, что Гомер говорит о жезле Гермеса, которым он «заснувших от сна пробуждает» (Od. XXIV 4); подобным же жезлом Кирка превращала людей в животных. Таким образом, в произведении Паунда Кирка начинает посвящение, Гермес его словно бы завершает.

Тот факт, что в роли посвящаемого оказывается не безымянный персонаж, а родственник хозяйки острова Эя, может быть связан с рядом причин. Во-первых, момент узнавания: помимо предположения о том, что личность одного из животных раскрылась благодаря пониманию звериного языка, следует учитывать, что потомков Гелиоса узнают и по внешним признакам. Так, аргонавты узнали Кирку по особенностям глаз: «Ужас безмерный// Всех героев объял. Узнали они без ошибки // Кирку, взирая вблизи на облик ее и на очи; // Сразу в ней, говорили, сестру Эета узрели» (*Apoll. Rh. Argonautica IV* 683-685, пер. Н. А. Чистяковой). Обратим внимание, тут Кирка также, как у Гомера, упоминается вместе с братом. Во-вторых, родственная близость к солнцу-Гелиосу, на которое взирает посвящаемый в завершение мистерий в *Santo XVII*. В-третьих, у Паунда выстраивается своеобразная

парадигма, которую представляют дети Гелиоса и Персы, упоминаемые в Santo XXXIX: Кирка может обратить человека в животное и вернуть ему человеческий облик, Пасифая порождает от животного полубыка-получеловека, Ээт¹⁰ же сам испытывает превращение в животное и в ходе мистерий преображается. Т.е. все трое оказываются связанными с противопоставлением животной и человеческой природы, участвуют в процессах медиации.

Отметим, что в поэме «The Cantos» упоминание «брата Кирки» происходит дважды, и этот повтор словно бы придает достоверность истории, придуманной Паундом, последовательно и настойчиво вводя ее в контекст античного мифа.

Таким образом, Паунд по-своему интерпретирует упоминаемых у Гомера пленников острова Кирки. Автор «The Cantos» создает собственный мифологический сюжет на основе известных из античных источников: пребывание одного из потомков Гелиоса и Персы – Ээта – среди животных на острове своей сестры и последующее его преобразование посредством участия в мистериях. Прием, при помощи которого автор поэмы вводит нового персонажа, обосновывает своеобразную достоверность его истории, и придает ей статус издревле транслируемого мифа, – повтор. Он предстает здесь средством, заимствованным из поэтики гомеровских поэм, восходящим к фольклорным источникам, но имеет значение, связанное с индивидуальным авторским замыслом.

Примечания

¹ Об этом, например, пишет Я. Пробштейн: «В “Cantos” («Песнях», как известно, такое **название** дано главам «Илиады» и «Одиссеи» Гомера и «Божественной комедии» Данте), книге стихов, эпических по размаху, лирико-философских по форме, Эзра Паунд пытался объять всю мировую культуру, историю и цивилизацию с древнейших времён до современности, перемежая цитаты из Гомера, древнекитайской поэзии и поэзии трубадуров» [Пробштейн 2016].

² Хотя, как известно, поэмы Гомера были оформлены в виде песен значительно позднее.

³ Начинается поэма со слов, произносимых Одиссеем, что напоминает его повествование в поэме Гомера: «And then went down to the ship, // Set keel to breakers, forth on the godly sea, and...// and winds from sternward // Bore us out onward with bellying canvas, // Circe’s this craft, the trim-coifed goddess» [Pound 1970: 3].

⁴ Спуск в царство мертвых как один из основных сюжетных мотивов всей поэмы Э. Паунда довольно часто упоминается в исследованиях, ей посвященных (Ср. Ф. О. Маттисен называет «гомеровскую тему сошествия в Аид» – наряду с овидиевскими метаморфозами, экскурсами в эпоху Ренессанса, во времена американской революции, в китайскую историю – в числе постоянно повто-

ряющихся в поэме, одной из составляющих ее «контрапункта» [Маттисен 1979: 468].)

⁵ Повторения, по мнению исследователя, могут быть обусловлены необходимостью «запоминания эпических тем», а также, выходя за рамки эпического стандарта, в зависимости от контекста могут иметь «различную смысловую и эмоциональную нагрузку» [Лосев 2006: 190].

⁶ После будут созданы разделы «Пятый десяток ХЛП-Л1» (1934-1937), циклы, посвященные Китаю (1937-1939), Джону Адамсу (1939), «Пизанские песни» (1945), «Рок-дрилл» (1953), «Престолы» (1956-1958) [Бронников 2018: 725, 731, 738, 744, 755, 765].

⁷ У Гелиоса и Персеиды в разных источниках называются еще два сына – Алоэй и Перс, – но они не столь известны, не упоминаются как братья Кирки, а Алоэй к тому же может быть сыном Гелиоса от Антиопы.

⁸ Братухина Л. В. "Литературные мистерии" Э. Паунда // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. №23-1. С. 124–134.

⁹ О том, что это именно один из тех, кто испытал на себе коварство волшебницы, свидетельствует настойчиво повторенное «First honey and cheese // honey at first and then acorns // Honey at the start and then acorns // honey and wine and then acorns», а также обращение к Еврилоху «Eurilochus,... better there with good acorns // Than with a crab for an eye, and 30 fathom of fishes» [Pound 1970: 194].

¹⁰ Возможно, Эту было необходимо очищение (как когда-то его дочери Медее (Apoll.Rh. Argonautica IV 557)), осуществить которое способна именно Кирка.

Список литературы

Бронников А. В. Комментарии к тексту // Эзра Паунд. Кантос / пер., вступ. ст. и комм А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. С. 702–775.

Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 208 с.

Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.

Маттисен Ф. О. Поэзия // Литературная история Соединенных Штатов Америки. М.: ПРОГРЕСС, 1979. С. 463–491.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

Пробитейн Я. Трудная красота Эзры Паунда // Sensus Novus. 2016. URL: <https://www.sensusnovus.ru/culture/2016/06/26/23521.html> (дата обращения: 10.01.2020).

Liebrechts P. Th. M. G. Ezra Pound and Neoplatonism. Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2004. 461 p.

Pound E. The Cantos of Ezra Pound. New York: A New Directions Book, 1970. 802 p.

REPLAY IN THE POETICS OF THE E. PUND'S POEM "THE CANTOS"

Ludmila V. Bratukhina

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Submitted 20.05.2021

The article is devoted to the consideration of replay as one of the literary devices in Ezra Pound's poem "The Cantos", adopted by the author from one of the great predecessors – Homer. The greatest attention is paid to the analysis of Canto XVII and XXXIX, united by a character mentioned in the texts – a certain «brother of Circe»: intertextual connections are traced («Odyssey», «Argonautica»), and a possible interpretation of Pound's myth creation is also substantiated. It is concluded that, along with the traditional for the myth semantics of cyclic repetition, the specifics of using replay in these parts of the poem is the task of giving authenticity to the character's story.

Keywords: Ezra Pound, «The Cantos», Canto XVII, Canto XXXIX, Homer, Odyssey, replay, Circe, Aeëtes.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Братухина Л.В. Повтор в поэтике поэмы Э. Паунда «The Cantos» // Мировая литература в контексте культуры. 2021. № 12 (18). С. 19–27. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-19-27

Please cite this article in English as:

Bratukhina L.V. Povtor v poetike poemu E. Paunda «The Cantos» [Replay in the Poetics of the E. Pund's Poem "The Cantos"]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2021, issue 12 (18), pp. 19–27. doi 10.17072/2304-909X-2021-12-19-27